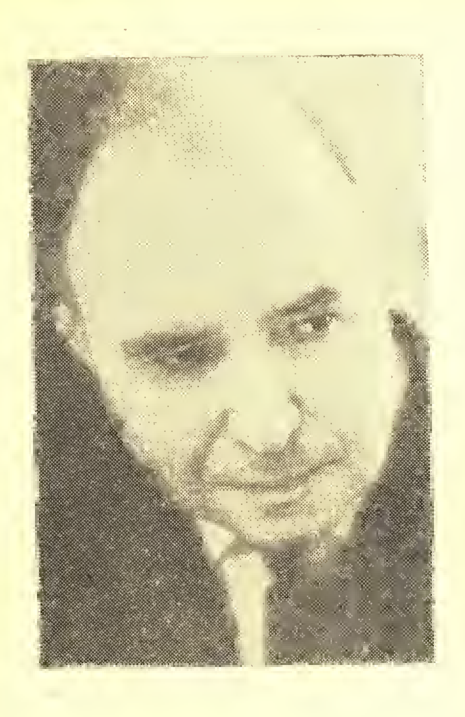
НИКОЛАЙ РОГАЛЬ

на восходе солнца

ОТНЫНЕ НАСТУПАЕТ НОВАЯ ПОЛОСА В ИСТОРИИ РОССИИ, И ДАННАЯ, ТРЕТЬЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА В СВОЕМ КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРИВЕСТИ К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2

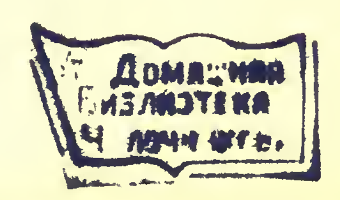
Николай Митрофанович Рогаль родился 27 июня 1909 года в семье рабочего. Вся его жизнь связана с Дальним Востоком. С 1924 года он — секретарь комсомольской ячейки в поселке Хор. С 1926 по 1938 год был на руководящей комсомольской, затем — партийной работе. Первая книга — повесть «У границы» — вышла в 1939 году. Осенью 1940 года Н. Рогаль был избран ответственным секретарем Дальневосточного отделения Союза писателей, а с созданием Хабаровской краевой писательской организации — ответственным секретарем ее до 1955 года. С января 1955 года и по настоящее время — главный редактор журнала «Дальний Восток». Член правления Союза писателей СССР и член Советского комитета защиты мира. Активно участвует в общественной и партийной жизни края, является членом Хабаровского крайкома КПСС. Н. М. Рогаль — главный редактор «Библиотеки дальневосточного романа», он инициатор этого, популярного теперь, издания.

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Николай РОГАЛЬ

РОМАН

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1972

Рогаль Николай Митрофанович

Р 59 На восходе солнца. Роман. Хабаровск, Кн. изд., 1972.

528 с. 30 000 экз. 1 р. 03 к.

Роман повествует о становлении Советской власти на Дальнем Востоке. Время действия — декабрь 1917 — март 1918 года. Читатель становится свидетелем бурных революционных событий, развернувшихся в это время в Приамурье. В центре романа — рабочие Хабаровска, большевики. Широко показан и лагерь врагов революции, готовившийся к первому контрреволюционному мятежу против только что победившей власти Советов. Читатель видит и то, как готовилась иностранная военная интервенция на Дальнем Востоке. Значительное место в романе уделяется изображению того, как Советы, хабаровские рабочие боролись с хозяйственной разрухой, с саботажем чиновников. Эта мирная организаторская работа дальневосточных Советов вскоре прервана была разразившейся гражданской войной. Но это уже тема следующего романа — «Пятое апреля», над которым писатель продолжает работать.

Настоящее издание романа печатается по тексту издания «Библиотеки дальневосточного романа» (Хабаровск, 1966 год).

7-3-2
———
72

Р 2

Николай Митрофанович Рогаль

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Хабаровское книжное издательство
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор **Р. А. Шарова**. Художник **В. А. Смирнов**. Художественный редактор **А. Н. Посохов**. Технический редактор **Л. В. Медяник**. Корректор **Н. П. Рыжова**.

Сдано в набор 20/I 1972 г. Подписано к печати 28/I 1972 г. Бумага типографская № 3. Формат $84\times108/_{32}=8,25$ б. л., 27,72 усл. п. л., 30,7 уч.-изд. л. Тираж 30000 экз. Заказ 594. Цена 1 р. 03 к.

Типография № 1 Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

ОТ АВТОРА

Это издание романа выходит в дни, когда трудящиеся нашего края готовятся торжественно отметить памятную всем дату — 50-летие освобождения советского Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов.

Пять долгих лет продолжались здесь гражданская война и борьба с иностранными интервентами, унесшие десятки тысяч человеческих жизней. Полчища японских, американских, английских и прочих солдат, вымуштрованных и отлично вооруженных, соединения и боевые корабли нескольких военных флотов были брошены сюда, на наш Дальний Восток, чтобы поощрить и поддержать сформированные при участии иностранных разведок и дипломатических миссий капиталистических стран антинародные белогвардейские режимы адмирала Колчака, атаманов Калмыкова, Семенова и других подобных им марионеток. Стремясь задушить недавно лишь возникшую, только-только утвердившуюся в крае Советскую власть — власть рабочих и крестьян, — империалисты Соединенных Штатов Америки и Японии момент сочли благоприятным для того, чтобы попытаться осуществить свои давно взлелеянные планы экспансии, захвата, отторжения исконно русских земель Дальнего Востока. Организованный ими открытый грабеж, расхищение интервентами народных богатств края по размаху и беззастенчивости можно сравнить только с их же разнузданным, безудержным террором, крайней жестокостью к населению, что проявилось уже в первые дни оккупации.

Отстаивая свою родную землю, завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, сражаясь за восстановление власти Советов на Дальнем Востоке, трудящиеся края, возглавляемые коммунистами, в неравной борьбе с иноземными захватчиками и их белогвардейскими пособниками проявили удивительную стойкость, беззаветное мужество, беспредельный героизм. Их воодушевляли, вдохновляли призывы партии большевиков, постоянное внимание Владимира Ильича Ленина к положению на Дальнем Востоке, ра-

достные вести о победах Красной Армии над Юденичем, Колчаком, Деникиным, Врангелем. В историю гражданской войны в СССР рядом с Каховкой и Перекопом вписаны легендарная Волочаевка и «штурмовые ночи Спасска». Навечно запечатлены в ней подвиги партизан Приамурья и Приморья.

Роман «На восходе солнца» только подводит читателя к событиям этой героической борьбы. В этой книге мне хотелось рассказать о том, как была установлена власть Советов на Дальнем Востоке, каковы были ее первые шаги и какие замечательные, удивительные силы пробудила в народе революция. Большинство героев романа — «вымышленные» лица, но почти за каждым из них стоят реальные люди — те наши земляки-дальневосточники, что боролись за победу Советов в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке, а с началом оккупации работали в большевистском подполье, сражались в партизанских отрядах, штурмовали Волочаевку. Позднее с многими из них мне не раз приходилось встречаться. В ряду этих людей назову таких известных партизанских вожаков, как Д. И. Бойко-Павлов, И. П. Шевчук, А. К. Флегонтов... Довелось мне при разных обстоятельствах встречаться и с людьми, которые в романе представляют противоположный лагерь. Да и самому запомнилось многое из обстановки тех лет.

Автору, разумеется, трудно судить о том, насколько ему удались те или иные образы, характеры. Пусть об этом судит читатель. Роман в какой-то мере воссоздает расстановку классовых сил в те годы, характеризует и общую обстановку на Дальнем Востоке, какой она складывалась к началу весны 1918 года.

Какой же будет дальнейшая судьба героев романа?.. Во всех без исключения случаях она связана с начавшейся вооруженной борьбой трудящихся края против иноземных захватчиков, за восстановление власти Советов на Дальнем Востоке. Работая сейчас над второй книгой трилогии — романом «Пятое апреля», я думаю о мужественных партизанах, бойцах Народно-революционной армии Дальневосточной республики, участниках большевистского подполья — о всех тех, чьи имена прославлены либо так и остались неизвестными, но кто день за днем самоотверженно боролся с коварным и жестоким врагом и приблизил день освобождения родного края.

Эта книга тоже — дань глубокого уважения борцам за победу Советов на Дальнем Востоке!

Н. М. РОГАЛЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В декабре тысяча девятьсот семнадцатого года поезда ходили редко. Сборный поезд № 507, составленный большей частью из старых двухосных вагонов, емкость которых со времени русско-японской войны определялась известным выражением «сорок человек, восемь лошадей», с трудом пробивался по Амурской дороге.

Кто только не ехал тогда в переполненных донельзя вагонах, грязных, прокуренных, с устоявшимся запахом табака, давно не мытого человеческого тела, тухлой рыбы и карболки: солдаты с фронта, моряки с Балтики, бойкие амурские крестьянки, молчаливые забайкальцы, потревоженные революцией купцы, переодетые царские офицеры. Одни спешили домой, другие пробирались поближе к границе.

Поезд медленно полз между сопок. Ветер выдувал снег из желтых дубняков и заносил выемки. Пронзительно визжали колеса.

Паровоз, охая, втаскивал состав на подъем и потом долго и тревожно гудел, не в силах сдержать напор вагонов, идущих под уклон: тормоза не держали. Да и не было в то время исправных тормозов.

Одного подъема паровоз не взял. Он натужно попыхтел, изрыгая черно-ржавый дым, но тщетно: поезд остановился в выемке, скрипя, откатился немного назад и стал уже окончательно.

Из смежных вагонов спрыгнули на снег матрос Логунов и солдат Приходько. Оба поглядели по сторонам, но

Зотов и Суматохин. Она не знала, что хозяина уже не было в живых.

— Гляди-ка, чего-то они соображают, — выглянув в окно, сообщил казак помоложе.

Второй чертыхнулся и зарядил винтовку новой обоймой.

— Как бы не подожгли, — озабоченно сказал он. — Надо патронов еще принести, — и ушел, наказав первому следить за двором.

«Да, да... поджечь гнездо. Пусть горит! Пусть...» — Мысли Насти сразу приняли определенное направление. Она быстро оглядела помещение и незаметным движением схватила с полки коробок спичек.

— Послушай, барышня, водочки тут нет? — просительно улыбаясь, сказал оставшийся казак.

— Водки?.. Ах, да, да. В той комнате, в буфете, — быстро сказала Настя.

Едва казак скрылся, как Настя метнулась в противоположный угол, в мгновение ока отвинтила крышку полутораведерного бидона с керосином. Опрокинув посудину, она проследила, как керосин потек через кухню, спокойно перешагнула лужу и сняла с двери засов.

Обернувшись, она увидела настороженные, злые глаза казака, наблюдавшего за ней.

— Ты куда... бежать? От пули не уйдешь.

Настя, не отводя взгляда, машинально чиркнула спичкой. Спичка сломалась. Она ощупью достала другую, зажгла и бросила на пол. Сразу огненная стена выросла между ними. Настя закрыла руками лицо и выбежала во двор.

Рев, треск, гул пламени, вихри багрово-черного дыма, пепел, уносимый ветром, — вот чем в конце концов обернулось зотовское стяжательство.

5

К ночи стрельба почти затихла. Большая часть казаков и офицеров бежала через Амур за границу. Красногвардейцы помогали тушить пожары. Вылавливали разбежавшихся гамовцев и уголовников, выпущенных ими из тюрьмы. В городе устанавливался твердый революционный порядок.

Лишь анархисты буянили в одном из брошенных особ-

няков. Горланили песни, бранились; шум разносился на два квартала.

Случай снова свел Савчука с Петровым.

— Эге-ей, братцы, гуляй! Свое пьем, завоеванное...

— Грабленое пьете! — жестко сказал Савчук, появляясь внезапно среди пирующих. — А ну, хлопцы, бей посуду!

Десять прикладов, одновременно пущенных в ход, в мгновение ока превратили ящики с напитками в месиво из щепы, осколков стекла и растекающейся по паркету бурой жидкости. В помещении остро запахло спиртом.

— Ма-ать честная, добра-то пропадает! — сожалеюще ахнул кто-то.

Теперь все анархисты вскочили на ноги. Стояли друг против друга двумя враждебными стенами.

Петров до сих пор сидел в стороне, делая вид, что не замечает Савчука. Сейчас он поднялся, медленно прошел через комнату и некоторое время молча сверлил Савчука глазами.

— Ну, Иван Павлович. Это тебе не пройдет. Терпение у меня кончилось, — просипел он, задыхаясь от ярости, и потянулся рукой к пистолету.

— Обезоружить! — не поворачивая головы, коротко бросил Савчук.

Кто-то из бойцов, опередив Петрова, рванул за кобуру, ремень портупеи лопнул. Петров пошатнулся и лапнул рукой уже по пустому месту. Должно быть, это отрезвило его. Он постоял еще секунду-другую в угрожающей позе, затем, не зная, что предпринять, переступил с ноги на ногу.

— Чтобы больше не безобразничали. Иначе в трибунал, — веско сказал Савчук.

Лицо Петрова исказилось. Злобно ощерясь, он закричал:

— Так ты спишь с моей женой, а меня хочешь с пути убрать! — И рванул на себе ворот. — Стреляй! Вот моя грудь!

— Дура-ак! — сказал Савчук, повернулся и пошел прочь.

Здание почтово-телеграфной конторы охранял отряд моряков. Часовой мерял шагами площадку перед главным входом.

Часть матросов разместилась в глубоких оконных нишах, дремала. Другие пытались разобраться в путанице проводов и смонтировать из уцелевших частей хотя бы один исправный аппарат.

Им помогал молодой телеграфист.

Мухин, зайдя на телеграф, некоторое время молча смотрел на разрушения. Потом стал набивать табаком трубку.

— Здравствуйте! — сказал он простуженным баском и подошел ближе, чтобы попросить огонька. — Вот забыл в тюрьме спички. Дайте прикурить, ребята.

Обгорелые строения без оконных рам, без крыш, остатки печей и труб среди черных пожарищ, опаленные огнем деревья, разломанные заборы — такова была картина многих улиц Благовещенска утром.

Город возвращался к мирной жизни, израненный, истерзанный, с горем во многих домах и с великой надеждой.

Кто знал тогда, что пронесся лишь первый короткий шквал? Что грянет скоро буря, куда посуровее?

Люди, покончившие с мятежом, показали, что они умеют постоять за родную Советскую власть. И здесь, на самой границе, она прочно встала на берегу многоводного красавца Амура.

Они — единственные хозяева этой прекрасной, еще дремлющей под снегами земли, готовой принять новые семена и дать дружные всходы. Где-то впереди, скрытая во времени, была и пора жатвы.

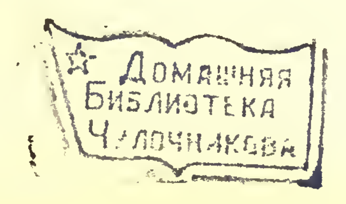
...Логунов медленно поднимался по лестнице в аппаратную телеграфа. Как старому знакомому, улыбнулся молодому телеграфисту.

В тишине зала вдруг ожил, бойко застрекотал старенький «морзе». Точка, тире, тире, три точки, одна... «Всем, всем, всем...» — читал Логунов.

Он подошел к окну и стал смотреть на утреннее розовеющее небо, на город, дымки которого говорили о жизни.

Первый луч взошедшего солнца мягко коснулся его щеки и радужными блестками заиграл на покрытом ледком холодном стекле.

1948—1958
г. Хабаровск

276

1 р0 3 коп.

Н. РОГАЛЬ НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА